

С. П. Федоров
М. П. Федоров
1885 г.

25098

Перевод
1886

Заключение оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента Правительствующаго Сената **А. Ф. Кони**, по дѣлу о редакторѣ газеты „Новое Время“ **М. П. Федоровъ**, перенесенному изъ Отдѣленія Департамента на уваженіе присутствія уголовн. кассац. департ. Правительствующаго Сената, по вопросу о разбясненіи 1535 ст. уложенія о наказаніяхъ въ примѣненіи оной къ повременнымъ изданіямъ печати.

Свѣтстванный редакторъ „Новаго Времени“, кол. ассес. Федоровъ, жадуется въ кассационномъ порядкѣ на приговоръ С.-петербургской Судебной Палаты, которая, найдя въ его дѣяніи, состоявшемъ въ напечатаніи корреспонденціи съ обвиненіемъ турецкаго подданнаго **Берга** въ недобросовѣстныхъ и постыдныхъ предѣлкахъ съ русскими путешественниками въ Вѣнѣ, — признаки клеветы, присудила его къ наказанію по ст. 1535 ул. о нак. Жалобщикъ указываетъ на то, что статья 1044 ул., въ силу которой редакторъ отвѣчаетъ за содержаніе помѣщенныхъ въ повременныхъ изданіяхъ произведеній, какъ главный виновникъ, не можетъ имѣть примѣненія къ обвиненіямъ по 1535 ст. ул., ибо клевета въ печати всегда и неизбежно предполагаетъ заведомую лживость напечатаннаго извѣстія, редакторъ же, помѣстившій корреспонденцію, оказавшуюся лживою и содержащую несправедливыя обвиненія, можетъ отвѣчать лишь за опозореніе или диффамацию, или же за брань и злословіе, т. е. за дѣянія, предусмотрѣныя въ 1039 и 1040 ст. ул. Объясняя затѣмъ, что Судебная Палата признала его виновнымъ лишь въ помѣщеніи корреспонденціи неизвѣстнаго автора, содержащей въ себѣ клевету на Берга, но не указала, чтобъ обвиняемый зналъ что-либо о несправедливости введенныхъ на Берга обвиненій, Федоровъ, ссылаясь на ст. 15 уст. уг. суд., по которой въ дѣлахъ уголовныхъ всякій несетъ отвѣтственность только самъ за себя, не считаетъ себя отвѣтственнымъ за дѣянія другого лица и подлежащимъ наказанію за клевету, а не

за диффамацию, какъ то было признано окружнымъ судомъ. Поэтому, будучи виновенъ во всякомъ случаѣ и исключительно лишь въ диффамациі, Федоровъ заявляетъ о неправомерности требованія отъ него Палатою такихъ доказательствъ своей невинности, которыхъ онъ по свойству введеннаго на него обвиненія и по точному разуму закона и не долженъ былъ представлять, ибо, согласно 1039 ст. ул., никакое позднѣе представленіе доказательствъ, хотя бы совершенно удостоверяющихъ справедливость напечатаннаго, не можетъ измѣнить или ослабить отвѣтственность за оглашеніе оскорбительныхъ для чужой чести фактовъ. Вслѣдствіе этого и прилагая нынѣ къ кассационной своей жалобѣ рядъ письменныхъ данныхъ, доказывающихъ, по его мнѣнію, справедливость корреспонденціи о Бергѣ, Федоровъ проситъ отменить приговоръ Судебной Палаты.

Такимъ образомъ по настоящему дѣлу возбуждается общій вопросъ объ отвѣтственности редакторовъ повременныхъ изданій за клевету, содержащуюся въ напечатанныхъ по ихъ распоряженію корреспонденціяхъ третьихъ лицъ и частный вопросъ какъ о правильности примѣненія къ дѣянію Федорова статьи 1535 улож., такъ и о правильности возложенія на него Судебною Палатою, въ виду предъявленнаго противъ него обвиненія, обязанности представлять въ свое оправданіе доказательства справедливости позорящихъ обстоятельствъ.

Обращаясь къ первому и по своему значенію главному вопросу, я нахожу, что для

Проверка
2007

разрѣшенія его, согласно доводамъ жалобника, въ отрицательномъ смыслѣ—основаній не представляется. Ни разумъ закона, ни правдивый голосъ справедливыхъ требованій жизни не дозволяютъ приурочивать ответственность редакторовъ повременныхъ изданій только къ понятію о диффамаци, о злословіи и брани въ печати. Рассмотрѣніе состава преступленія клеветы въ печати не приводитъ къ выводу, что редакторъ огражденъ отъ обвиненія въ этомъ преступленіи самымъ своимъ званіемъ и тѣмъ, что не онъ является авторомъ статей и корреспонденцій, помѣщенныхъ въ изданіи, которымъ онъ руководитъ. Раздѣленіе труда между авторомъ и редакторомъ, просматривающимъ рукопись автора и дающимъ не только разрѣшеніе напечатать ее, но и дѣлающимъ распоряженіе о томъ, какъ, когда и въ какомъ мѣстѣ изданія напечатать—совсѣмъ не обуславливаетъ собою и раздѣленія ихъ уголовной ответственности въ тѣхъ случаяхъ, когда окажется, что рукопись содержала въ себѣ клевету, направленную безъ всякой провѣрки, безъ всякаго взвѣшанія ея основательности на лучшее достоинствѣ чловѣка—его честь и доброе имя. Нѣтъ сомнѣнія, что могутъ быть случаи, когда редакторъ сдѣлается жертвою стеченія неблагоприятныхъ обстоятельствъ или искусно подотроеннаго обмана и окажется виновнымъ въ клеветѣ, отвѣтственность за которую всецѣло и должна пасть на сотрудника. Но нельзя признавать правильнымъ утвержденіе, что редакторъ, какъ бы тѣсно ни былъ онъ переплетенъ съ своимъ сотрудникомъ въ общемъ дѣлѣ преступно-небрежнаго обращенія съ чужой честью, тотчасъ по совершеніи посягательства на эту честь расходится съ сотрудникомъ по разнымъ путямъ отвѣтственности предъ закономъ и навсегда освобождается отъ обвиненія въ томъ, что названо въ кассационной жалобѣ «позорнымъ дѣяніемъ» извѣта на чловѣка ни въ чемъ неповиннаго. По условіямъ, въ которыя поставлена дѣятельность редактора повременнаго изданія, оправданіе его по обвиненію въ клеветѣ, нашедшей себѣ мѣсто въ статьѣ сотрудника,—весьма возможно и вполне согласно съ интересами правосудія, но только оно должно быть основано на рассмотрѣніи существа дѣла, на оцѣнкѣ отношеній редактора къ личности сотрудника и къ источникамъ, изъ которыхъ послѣдній почерпнулъ содержаніе своей статьи, а отнюдь не на ложномъ началѣ принципиальной безответственности редактора за клевету, помѣщенную въ его изданіи. Иными словами, судъ можетъ признать редактора виновнымъ въ данной клеветѣ, но не долженъ освобождать его отъ отвѣтственности только потому, что онъ, какъ редакторъ, не можетъ быть обвиняемъ въ клеветѣ, а имѣетъ исключительное право быть лишь даффаматоромъ. Строгаго отмежеванія области отвѣтственности и для редактора и для автора — не знаетъ законъ. Не знаетъ его поэтому—и вопреки взгляду кассатора—и судебная практика, въ которой

вопросъ о такомъ отмежеваніи возникаетъ впервые. Рѣшеніе Правительствующаго Сената по дѣлу Ватсона и Суворина, на которое ссылаются, какъ на руководящее, доказываетъ прежде всего, что даже и по столь важному для опредѣленія предѣловъ отвѣтственности редакторовъ дѣлу не было признано возможнымъ возбудить вопросъ о принципиальной отвѣтственности редактора за клевету. Напротивъ, жалобщики изъ коихъ одинъ, Ватсонъ, былъ редакторомъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», вовсе не отрицали возможности и справедливости привлеченія и редактора за клевету въ печати, но лишь доказывали, что напечатанное ими по существу своему и по источнику своего происхожденія не имѣетъ признаковъ клеветы. Поэтому Правительствующій Сенатъ, опредѣляя законный составъ преступленія клеветы, не касаясь, въ рѣшеніи по сему дѣлу, вопроса объ исключительномъ характерѣ отвѣтственности редактора. Утвержденіе кассатора о томъ, что Правительствующій Сенатъ отступилъ затѣмъ отъ высказанныхъ имъ взглядовъ на клевету и преподавъ новыя руководящія начала, не подтверждается ближайшимъ рассмотрѣніемъ рѣшенія 1885 года № 33 по дѣлу Ахшарумова и Соболевскаго. Обсуждая въ первомъ изъ этихъ рѣшеній вопросъ о томъ, что долженъ признавать судъ для освобожденія отъ отвѣтственности обвиняемаго по 1535 ст., Прав. Сенатъ высказалъ, что по этой статьѣ не можетъ быть подвергнуто наказанію тотъ, кто распространялъ о комъ-либо ложное извѣстіе, полагая, что онъ распространяетъ свѣдѣніе объ истинномъ происшествіи. Въ виду разнообразнаго и произвольнаго толкованія судебною практикою понятій, заключающихся въ словѣ полагалъ, Прав. Сенатъ во второмъ изъ приведенныхъ рѣшеній подвергнуто это опредѣленіе основаній для оправданія обвиняемаго въ печатной клеветѣ подробному анализу. Результатомъ его явилось выясненіе, что недостаточно думать, что оглашенное позорящее обстоятельство возможно, недостаточно предполагать, что обвиненіе справедливо потому, что оно возможно. Нужна увѣренность, нужно убѣжденіе въ справедливости распространяемаго. Давая точное опредѣленіе понятію о клеветѣ и указывая, на какихъ юридическихъ соображеніяхъ долженъ основываться судъ для оправданія виновнаго въ клеветѣ въ печати, Прав. Сенатъ нашелъ, что клевету составляетъ не завѣдомо правдивое обвиненіе кого-либо въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, и что для оправданія въ клеветѣ необходимо признаніе со стороны суда, что обвиняемый былъ убѣжденъ въ справедливости того, что онъ распространялъ. Иными словами, необходимо признаніе судомъ того, что онъ имѣлъ предъ собою данныя, которыя исключали для него возможность сомнѣнія въ истинѣ того, что онъ оглашалъ, ибо—и въ житейскихъ и въ судебныхъ дѣлахъ—гдѣ есть сомнѣніе, тамъ уже нѣтъ мѣста убѣжденію. Не даромъ же существуетъ завѣ-

щанное судебнымъ опытомъ всѣхъ народовъ правило, по которому убѣжденіе въ виновности не признается сложившимся, доколѣ существуетъ, хотя бы малѣйшее сомнѣніе, которое всегда толкуется въ пользу подсудимаго — и слѣдовательно, противъ всѣхъ данныхъ, изъ которыхъ могло бы вытечь убѣжденіе въ его виновности. Согласно съ этимъ смотреть на клевету въ печати и лучшій изъ новѣйшихъ уголовныхъ кодексовъ — «Германское уголовное уложение». Оно называетъ клеветою и завѣдомо ложное обвиненіе (§ 187) и обвиненіе, справедливости котораго не будетъ явно истина (§ 186). «Никто не долженъ ни утверждать, ни распространять фактовъ, пятнающихъ честь человѣка, если не въ состояніи отстоять или подтвердить доказательствами свое утвержденіе, хотя бы дѣлалъ его bona fide...», говорится въ мотивахъ къ этому опредѣленію.

Такимъ образомъ, согласно окончательно выраженному Сенатомъ взгляду на клевету въ печати — для признанія кого-либо виновнымъ въ этомъ преступленіи — необходимо установить, что содержащееся въ вызвавшихъ преслѣдованіе строкахъ обвиненіе не справедливо, что оно касается дѣянія позорнаго и что подсудимый не былъ убѣжденъ въ справедливости разглашенныхъ имъ свѣдѣній. Поэтому — для заключенія, что редакторъ не можетъ вообще отвѣтствовать за клевету въ томъ видѣ, какъ ея признаки установлены разъясненіемъ Прав. Сената — необходимо признать, вопервыхъ, что редакторъ по своему положенію и отношенію къ повременному изданію стоитъ въ поводъ и возможности дѣйствовать, пользуясь имѣющимся у него въ рукахъ могущественнымъ орудіемъ, по такимъ же личнымъ и пристрастнымъ побужденіямъ, по какимъ дѣйствуетъ авторъ, стремящійся путемъ ложныхъ обвиненій потрясти репутацію частнаго человѣка; вторыхъ, что устраненіе редактора отъ отвѣтственности за клевету въ печати никогда не лишаетъ потерпѣвшаго возможности преслѣдовать виновнаго въ нарушеніи его чести и добиться возстановленія ее торжественнымъ признаніемъ въ судебномъ приговорѣ живости оглашенныхъ свѣдѣній; и, наконецъ, третьихъ, что редакторъ, помѣщающему у себя опирающемуся чью-либо честь сообщеніе, принадлежитъ лишь второстепенная, пассивная роль наблюдателя за формою и внѣшнимъ составомъ печатаемаго — роль наблюдателя, стѣсненнаго въ своихъ распоряженіяхъ лишь запрещеніемъ бранить и оглашать то, чего нельзя въ интересахъ спокойствія частной жизни объявлять во всеобщее свѣдѣніе. Посмотримъ на каждое изъ этихъ условий. Первое изъ нихъ падаетъ при ближайшемъ прикосновеніи. Редакторъ повременнаго изданія есть, прежде всего, дѣятель печатнаго слова. А слово это — орудіе тонкое, гибкое и обоюдоострое. Поэтому, оно можетъ быть употреблено для достиженія разныхъ цѣлей. Указывая, среди всеобщаго незнанія или робкаго

и равнодушнаго молчанія, на беззаконіе, — срывая, съ доказательствами въ рукахъ, маску съ лицемеря, съ притѣснителя беззащитныхъ, съ грабителя слабыхъ, съ хищника и сѣятеля соблазна — это слово стремится къ высокой и нравственной цѣли. Служа сведенію личныхъ счетовъ, предлагая свои услуги влюбнымъ и непровѣреннымъ подозрѣніямъ, давая исходъ мстительному чувству — это слово становится недостойнымъ своего назначенія и тѣмъ болѣе вреднымъ, чѣмъ шире и безграничнѣе область его разрушительнаго дѣйствія. Даже и легкомысленное обращеніе съ матеріаломъ, изъ котораго оно черпаетъ свои выводы, не провѣривъ его серьезно и съ тѣмъ «святымъ безпокойствомъ», которое должно вызываться возможностью впасть въ ошибку и прибить къ позорному столбу неповиннаго человѣка, печатное слово плохо исполняетъ обязанности своего общественнаго служенія. Редакторъ повременнаго изданія, дающій окончательную санкцію тому, что должно быть напечатано, можетъ быть до ступень разнообразнымъ побужденіямъ. Между ними могутъ быть высокая и благородная, но могутъ закрестъся и личное пристрастіе, и недоброжелательство, и сторонническое стремленіе изобличить, не утруждая себя провѣркою данныхъ, и раздражительное желаніе показать свою силу. При отсутствіи установленнаго закономъ нравственнаго и строгаго образовательнаго ценза для редакторовъ, таковымъ можетъ быть лицо, вносящее въ свою дѣятельность не осуществленіе отвѣтственнаго предъ обществомъ призванія, а лишь суетливое отравленіе ремесла, при которомъ легкая возможность вызвать злорадныя улыбки доверчивыхъ читателей ватемняетъ предствленіе о бѣдѣ скорби и негодованія несправедливо поруганнаго и его близкихъ. Если такимъ образомъ нельзя отрицать возможности отношенія редактора повременнаго изданія къ чести частнаго лица съ преступнымъ легкомысліемъ и небрежностью, то нельзя отрицать и возможности обвиненія его въ клеветѣ, т. е. въ распространеніи слуховъ для него самого незавѣдомо справедливыхъ. Кассаторъ отрицаетъ всякую возможность наказанія редактора за клевету, потому что отвѣтственнымъ лицомъ является авторъ. Но, однако, если бы редакторъ изданія, не стоящій на долѣющей ему нравственной высотѣ и ослабленный личнымъ чувствомъ, поручилъ сотруднику написать статью, замѣтку или корреспонденцію съ оглашеніемъ вымышленныхъ позорящихъ фактовъ, имъ самимъ сообщенныхъ этому сотруднику, то неужели, слѣдую теоріи кассатора, можно было бы, не нарушая вопіющимъ образомъ требованій справедливости, наказать лишь автора за клевету, а редактора только за диффамацию? А если бы притомъ было доказано, что личность редактора, обстановка, въ которой было сдѣлано порученіе, и источники позорящихъ фактовъ, которые были указаны, привели сотрудника къ убѣжденію, что сообщаемое ему во время

согласно съ истину, то его слѣдовало бы оправдать, а виновнаго въ клеветѣ вовсе не оказалось бы. А вѣдь это неотысканіе виновнаго въ дѣлѣ о клеветѣ равносильно въ практическомъ отношеніи лишенію потерпѣвшаго права сказать: «меня ложно опозорили», ибо обвиненіе редактора въ диффамацию даетъ потерпѣвшему лишь право сказать: «обо мнѣ разгласили то, чего не слѣдовало».

Доказать наличность второго условія, т. е. обезпеченности для потерпѣвшаго отъ клеветы личности отвѣтчика при принципиальномъ отрицаніи права преслѣдовать редактора иначе какъ за диффамацию—невозможно. Не говоря уже о случаѣ, когда авторъ, живущій гдѣ нибудь далеко, окажется неожиданно для самого редактора лицомъ, принявшимъ вымышленную фамилію или давшимъ ложное указаніе о мѣстѣ своего жительства,—авторъ можетъ проживать за предѣлами государства и въ такомъ отдаленіи, что потерпѣвшему придется покупать возстановленіе своей чести путемъ разоренія на путевые расходы, необходимые для розысканія и преслѣдованія виновнаго. Отказывать этому потерпѣвшему въ правѣ преслѣдовать редактора и отсылать его быть можетъ, даже за предѣлы Европы, гдѣ проживаетъ авторъ—было бы по меньшей мѣрѣ не правосудно. Оно было бы и не согласно съ достоинствомъ судебной власти, которая призвана охранять право личности, оказывая ей дѣйствительную, осуществимую, а не фиктивную защиту. Несомнѣнно, что пользуясь своимъ правомъ обратиться съ уголовнымъ искомъ къ редактору, оклеветанный рискуетъ даже при очевидности факта клеветы вызвать признаніе судомъ, что редакторъ былъ, по обстоятельствамъ дѣла, убѣжденъ въ истинности того, что напечаталъ. Но такой оправдательный приговоръ, неизбежно однако связанный съ признаніемъ наличности клеветы, уловить которую редакторъ, при всемъ стараніи, не могъ—все-таки снимаетъ пятно лживаго обвиненія съ чести пострадавшаго и даетъ ему нравственное удовлетвореніе. При томъ возможность риска при осуществленіи какого либо права не должна вести къ отрицанію самаго права. Поэтому за потерпѣвшимъ надо признавать законное право обратиться съ уголовнымъ искомъ о клеветѣ не только къ автору, но и къ редактору.

Кассаторъ утверждаетъ, что гарантія возстановленія судомъ чести частныхъ лицъ, даже въ случаѣ сокрытія редакторами, подлежащими отвѣту исключительно за диффамацию, авторовъ клеветническихъ статей, все-таки существуетъ, ибо обиженыи всегда могутъ возбудить вопросъ о несправедливости напечатаннаго, а судъ, въ своемъ приговорѣ, составляющемъ отвѣтъ на жалобу, всегда можетъ возстановить честь оклеветаннаго. Это мнѣніе кассатора не можетъ быть признано основательнымъ и притомъ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, кассаторъ предполагаетъ въ дѣлѣ общаго правила, дѣлая лишь лишен-

ное юридической силы исключеніе для крайнихъ случаевъ,—невозможность преслѣдовать редактора даже и въ томъ случаѣ, когда онъ не выдастъ автора. Между тѣмъ въ этомъ случаѣ редакторъ, отождествляя себя съ клеветникомъ, дѣлается солидарнымъ со всеми его дѣйствіями и отвѣтственнымъ за нихъ. Онъ сливается съ виновнымъ и заступаетъ его, въ глазахъ карательнаго закона, всецѣло и безъ всякихъ ограниченій. Не «укрывателемъ» или «недоносителемъ», какъ соглашается допустить для «крайнихъ случаевъ» кассаторъ, а полностью виновнымъ совершителемъ преступления клеветы является онъ. Вѣдь безъ его согласія и распоряженія статья клеветника, котораго онъ не хочетъ выдать, никогда бы не увидала свѣта, т. е. не достигла бы цѣли. Какое же тутъ недонесеніе, состоящее по ст. 15 улож. о наказ. въ неисполненіи обязанности довести до свѣдѣнія правительства объ умышенномъ или уже содѣянномъ преступленіи при имѣніи къ тому возможности? Еще болѣе — какое тутъ укрывательство, всегда предполагающее отсутствіе какого-либо участія въ содѣяннѣ преступленія? Вотъорыхъ — кассаторъ заблуждается, предполагая, что карательная юстиція можетъ изрекать отвлеченныя рѣшенія о преступленіи, не приурочивая этого преступленія къ извѣстному, обвиняемому въ немъ, лицу. Уголовный судъ, разрѣшая уголовный искъ, имѣетъ дѣло съ преступнымъ фактомъ, насколько въ немъ выразилась воля и дѣятельность опредѣленнаго, конкретнаго лица. Уголовный приговоръ, составляющій «отвѣтъ на жалобу», можетъ оправдывать или осуждать человѣка, обвиняемаго въ преступномъ дѣяніи, но не можетъ квалифицировать или разбирать дѣяніе, съ которымъ никакого личнаго обвиненія не было связано. Судъ не можетъ обсуждать вопроса — есть ли клевета въ дѣйствіяхъ лица, не привлеченнаго къ отвѣтственности, а для признанія того, кто привлеченъ виновнымъ въ диффамацию, рассмотрѣнія данныхъ, доказывающихъ, что оглашенныя свѣдѣнія суть клевета—для состава преступления диффамаци излишне и для разрѣшенія вопроса преждевременно, такъ какъ быть можетъ обвиняемый въ клеветѣ явился бы съ неопровержимыми доказательствами правдивости того, что ему ставится въ вину. Перехожу къ третьему условію ненаказуемости редактора за клевету—къ его роли при печатаніи въ редактируемомъ имъ изданіи какого либо произведенія. Едва ли нужно доказывать, что его дѣятельность вовсе не имѣетъ того, чисто внѣшняго, формальнаго характера, который устранялъ бы отъ него самую возможность о клеветѣ. Напротивъ, онъ главная пружина всего дѣла,—онъ властный посредникъ между публикою и авторами,—ему принадлежитъ общее направленіе, тонъ, нравственная и политическая окраска изданія. При правильномъ исполненіи имъ своихъ обязанностей, ни одна статья не можетъ появиться въ

изданий безъ его разрѣшенія и, слѣдовательно, одобренія. У него, какъ въ своего рода карантинѣ, сосредоточиваются статьи, разнообразныя по содержанию, стилю, цѣлямъ.— отъ него зависитъ отвергнуть однѣ, поправить другія, выяснить сущь содержаніе третьихъ, только очистивъ ихъ отъ всего чуждаго цѣлямъ литературы, только удостовѣривъ, что подъ яркимъ флагомъ общественной пользы и вопиющей правды въ нихъ не провозится нездоровый грузъ личныхъ счетовъ, легкомысленныхъ обобщеній и послѣднихъ обвиненій,—долженъ онъ дозволить ихъ помѣщеніе на печатномъ листѣ, за содержаніе котораго онъ отвѣчаетъ своею подписью. Въ своей отвѣтственной предъ обществомъ и вліятельной дѣятельности, редакторъ обязанъ служить правдѣ — правдою и принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы въ обществѣ держалась вѣра, что завѣтъ великаго писателя «со словомъ надо обращаться честно», выполняется на дѣлѣ. Поэтому редакторъ не можетъ умыть руки по отношенію къ сотруднику, который напечатаетъ лживыя обвиненія и говорить въ свое оправданіе «клеветникъ—это онъ, ему и да будетъ стыдно! а я простой оглашитель, хотѣвшій послужить обществу, даже рискуя своею отвѣтственностью». Нѣтъ! если онъ не былъ убѣжденъ, что то, что сообщалъ ему сотрудникъ,— правда, если у него, по общей здравой человѣческой логикѣ, должны были возникнуть сомнѣнія въ дѣйствительности оглашенныхъ фактовъ— и не смотря на то онъ пустилъ статью въ свѣтъ,—онъ виновенъ юридически не менѣе сотрудника, а нравственно болѣе. Не менѣе по тому, что онъ раздѣлилъ съ своимъ сотрудникомъ работу по опозоренію невиннаго, болѣе—потому, что безжизненной рукописи исключительно онъ придать жизнь давлениемъ типографскаго станка и, располагая возможностью распространить живое обвиненіе въ тысячахъ оттисковъ—у входа въ необозримый міръ «читателей», не рдумалъ въ свои дѣйствія и ихъ послѣдствія и не остановилъ трезвымъ сомнѣніемъ личные порывы безсильнаго, безъ его помощи, автора. Законъ считать, въ ст. 1044 улож. о наказ., редактора главнымъ виновнымъ при вопросѣ объ отвѣтственности за содержаніе статей, помѣщенныхъ въ повременномъ изданіи—и дѣлаеть это потому, что безъ содѣйствія редактора брань, злословіе и оглашеніе позорящихъ обстоятельствъ, предпринимаемое авторомъ, не можетъ проникнуть въ публику. Такое же отношеніе редактора и автора какъ между собою, такъ и къ публикѣ существуетъ и при печатной клеветѣ— и если редактора въ послѣднемъ случаѣ нельзя считать главнымъ виновнымъ въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ этотъ терминъ улож. о наказ., тѣмъ не менѣе онъ является одинаково виновнымъ, какъ и авторъ, если только онъ признанъ за такогаго. Новый французскій законъ о свободѣ печати (29-го іюля 1881 года) отно-ится къ редактору безразлично во всѣхъ случаяхъ преступленій, учиня-

мыхъ путемъ печати—съ особою строгостію и всегда считаетъ его главнымъ виновнымъ, наказывая сочинителя какъ соучастника (гл. V, § 1, ст. 42 и 43). Такимъ образомъ приходу къ неизбѣжному, по моему мнѣнію, выводу, что для редактора существуетъ возможность отвѣтственности за клевету въ печати. Эта возможность отвѣтственности обуславливаетъ собою возбужденіе преслѣдованія за клевету и такое обвиненіе не можетъ и не должно быть отклонено судомъ потому, что редактора будто бы вообще нельзя привлекать за клевету. Для признанія виновнымъ въ клеветѣ—Правительствующимъ сенатомъ въ рѣшеніи по дѣлу Ахшарумова и Соболевскаго указаны необходимыя условія. Только при наличности ихъ можетъ послѣдовать обвинительный приговоръ. Судъ обязанъ, въ каждомъ случаѣ обвиненія редактора въ клеветѣ не упускать изъ виду трудностей его спеціальнаго положенія, созаемыхъ задачами и способами публицистической дѣятельности. Эти трудности должны указывать справедливому чувству суда тѣ границы, далѣе которыхъ не должно идти требованіе основаній для убѣжденія редактора въ правдивости сотрудника. Поставленный въ центрѣ обширной окружности, въ которомъ сходятся извѣстія и сообщенія изъ разныхъ концовъ страны, редакторъ обязанъ серьезно относиться къ содержанію и происхожденію этихъ извѣстій, но отъ него невозможно требовать производства по каждому изъ нихъ дѣлаго изслѣдованія или дознанія на мѣстѣ. При осуществленіи такого требованія, извѣстіе, выигрывающая бытность въ точности,—теряло бы въ своей своевременности и быцвало бы до полной негодности для помѣщенія въ повременномъ изданіи, которое должно отражать въ себѣ постоянную сѣбю явленій общественной жизни. Ставя непремѣннымъ условіемъ оправданія въ клеветѣ убѣжденіе редактора въ справедливости оглашаемыхъ свѣдѣній, судъ долженъ войти въ положеніе редактора и оцѣнить достаточны ли были для него основанія, чтобы прийти къ такому убѣжденію. Полная немотивированность довѣрія или указаніе, что убѣжденіе было вызвано довѣріемъ, а довѣріе неуловимымъ чувствомъ, въ которомъ самъ довѣрившій не можетъ дать себѣ яснаго отчета—конечно не могутъ имѣть значенія въ глазахъ суда. Но съ другой стороны, если довѣріе къ сообщенію сотрудника основано на его общественномъ положеніи, или общепризнанныхъ нравственныхъ достоинствахъ, или на старинныхъ, испытанныхъ отношеніяхъ съ редакціею, то судъ можетъ найти, что сообщеніе, исходившее отъ тако-го лица, не нуждалось въ провѣркѣ и могло вызвать въ редакторѣ убѣжденіе въ своей правдивости, снимающее съ него обвиненіе въ клеветѣ. Клевета, нанесшая себѣ мѣсто въ сообщеніи такогаго лица—не могла быть пред-полагаема редакторомъ; онъ введенъ въ заблужденіе и сдѣлался жертвою довѣрія, для котораго однако въ личности, обстановкѣ и

дѣятельности автора были полныя основанія. И опять иначе можетъ отнестись судъ къ убѣжденію въ правдивости сообщенія лица, неизвѣстнаго редактору ни лично, ни по фамиліи и присланныя откуда нибудь съ края свѣта корреспонденцію съ позорными для кого либо изъ своихъ согражданъ обвиненіями. Судъ въ правѣ въ этомъ случаѣ потребовать отъ обвиняемаго объясненій—почему онъ повѣрилъ сообщенію, присланному издадека лицомъ, о которомъ даже неизвѣстно именуется ли онъ себя настоящею фамиліей. И если редакторъ основаній къ такому довѣрію, вызвавшему въ немъ убѣжденіе въ правдивости корреспонденціи не представить—судъ имѣеть право признать, что онъ не могъ быть убѣжденъ въ истинности того, что напечаталъ—и обвинить его въ клеветѣ. Однимъ словомъ, дѣло суда по существу взвѣсить въ каждомъ данномъ случаѣ всю совокупность обстоятельствъ, при которыхъ могло сложиться у редактора убѣжденіе въ справедливости именно даннаго, оглашеннаго имъ свѣдѣнія. Положеніе редактора дѣлаеть для него во многихъ случаяхъ невозможною проверку справедливости обстоятельствъ, изложенныхъ въ сообщеніи, но отъ него можно и должно требовать строгаго и разборчиваго отношенія къ источнику, изъ котораго исходить это сообщеніе. Проверка этого источника для убѣжденія въ его чистотѣ необходима. Не предпринявъ ея или не имѣя твердыхъ основаній считать ея излишнею—редакторъ долженъ нести отвѣтственность. Намъ говорятъ, что при допущеніи отвѣтственности за клевету, дѣятельность его сдѣлается крайне трудною, почти невозможною, такъ что интересы печатнаго слова требуютъ ограниченія отвѣтственности редактора предѣлами исключительно диффамачіи. Едва ли, однако, эти опасенія основательны и построены на нихъ требованія правильны. Правильная дѣятельность редактора связана съ отбѣнкою и разборомъ источниковъ, откуда почерпаются печатаемые свѣдѣнія,—а если при такой нравственно обязательной для редактора дѣятельности будутъ возбуждаемы противъ него обвиненія, то я не вижу, почему для него обвиненіе въ клеветѣ тягостнѣе, чѣмъ обвиненіе въ диффамачіи. Наказаніе за послѣднее по своему максимуму строже, способы же оправданія сужены до послѣдней степени. Въ то время, какъ редакторъ, обвиняемый въ оклеветаніи, имѣеть право выступить во всеоружіи всевозможныхъ доказательствъ дѣйствительной негодности якобы оклеветаннаго—онъ же, обвиняемый въ диффамачіи, по тому же самому поводу, можетъ защищаться лишь отрицаніемъ своего участія въ редактированіи вызвавшаго обвиненіе номера газеты или журнала. Нѣсколько большая осмотрительность и осторожность въ обращеніи съ чужимъ добрымъ именемъ быть можетъ и составляетъ нѣкоторую помѣху въ быстротѣ дѣятельности публициста, но она соотвѣтствуетъ требованіямъ общественнаго спокойствія и необходимости

справедливаго огражденія правъ частныхъ лицъ. Это было признано и дѣятедемъ, глубокая опытность котораго въ вопросахъ свободы печатнаго слова и высокая нравственная чистота—признаны всеми и признаны безусловно. «Мы не исполнѣ раздѣляемъ мнѣніе нѣкоторыхъ нашихъ собратовъ относительно недавнаго толкованія о клеветѣ въ печати—писалъ по поводу дѣла Ахшарумова, въ послѣднемъ «предсмертномъ» № «Руси» И. С. Аксаковъ—признаемъ исполнѣ вмѣстѣ съ ними все вытекающее изъ этого толкованія затрудненіе для публицистики, но изъ двухъ золь клевета есть безъ сомнѣнія худшее. Новое толкованіе стремится хоть сколько-нибудь помочь бѣдѣ, происходящей отъ злоупотребленія властью, которою надѣляется каждый редакторъ,—и требованіе, чтобы редакторъ доказалъ, по крайней мѣрѣ, искренность своего убѣжденія въ томъ, что извѣстіе, чернящее честь частнаго лица, дѣйствительно правдиво,—требованіе это мы признаемъ нравственнымъ. Чтожъ! будемъ осторожнѣе».

На основаніи всего сказаннаго мною, я полагаю, что первый, принципиальный вопросъ, поставленный кассационною жалобою, долженъ быть рѣшенъ утвердительно—признаемъ, что редакторъ можетъ быть привлекаемъ къ отвѣтственности за клевету въ печати.

По этому, въ этомъ отношеніи кассационная жалоба подлежитъ оставленію безъ послѣдствій.

Обращаюсь ко второму вопросу, возбуждаемому настоящимъ дѣломъ. Клевета въ печати и диффамачія, предусмотрѣныя 1039 и 1535 ст. уложенія—два дѣянія совершенно различнаго свойства. Онѣ существенно разнятся между собою и по своей юридической окраскѣ и по своимъ практическимъ послѣдствіямъ. Различіе это выражается вопервыхъ, по мѣсту, которое занимаютъ эти дѣянія въ Уложеніи: клевета есть общее преступленіе, совершаемое путемъ печати (раздѣлъ X, глава VI о непосредственныхъ личныхъ оскорбленіяхъ), диффамачія есть специальное нарушеніе постановленій о печати (раздѣлъ VIII глава V); во вторыхъ—по своему существу: клевета есть незавѣдомо правдивое обвиненіе кого либо въ дѣяніи противномъ правиламъ чести—диффамачія есть оглашеніе во всеобщее свѣдѣніе позорныхъ фактовъ, безотносительно къ тому, справедливы они или нѣтъ; въ третьихъ—по дѣяніямъ карательнаго закона: въ первомъ случаѣ дѣль эта—огражденіе, защита, возстановленіе чести обиженнаго, во второмъ—охраненіе частной жизни отъ посторонняго вторженія для устраненія раздраженія и безпокойства въ обществѣ; въ четвертыхъ, по наказаніямъ,—огласительно прозвѣтъ наказаніе большее по размѣрамъ (денежное взысканіе до 500 р. и тюрьма до года и четырехъ мѣсяцевъ или же одно изъ этихъ наказаній, по усмотрѣнію суда), по представляющее большій просторъ для судьи въ выборѣ,—клеветникъ подлежитъ меньшему на-

каванію (тюрьма до восьми мѣсяцевъ), по исключительному личному, не допускающему выбора: впятыхъ—по давности, срокъ которой для клеветы вдвое длиннѣе, чѣмъ для диффамаци; шестыхъ—по условіямъ оглашенія судебной процедуры: по дѣламъ о клеветѣ и приговоръ и отчетъ о засѣданіи печатаются невозбранно, составляя, такимъ образомъ, весьма важный документъ и для обиженнаго, требованіе котораго уважено судомъ, и для обвиняемаго, который оправданъ,—по дѣламъ же о диффамаци, на основаніи 1213¹⁵ ст. уст. угол. судопроизводства—пренія не могутъ быть печатаемы вовсе, хотя бы они и происходили при публичнѣ, а можетъ быть напечатанъ приговоръ суда, и то лишь съ особаго его разрѣшенія; вседьмыхъ, наконецъ,—по средствамъ оправданія въ обоихъ преступленіяхъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи различіа клеветы и диффамаци выступаютъ съ особою яркостью и практическою силою. Законъ дозволяетъ обвиняемому въ клеветѣ защищаться всѣми доступными разсмотрѣнію суда средствами. Письменные доказательства, документы, произведеніе печати, свидѣтели и даже экспертиза могутъ явиться на защиту обвиняемаго. Законъ не допускаетъ, при диффамаци частнаго лица, никакихъ доказательствъ, кромѣ одного, состоящаго въ указаніи того, что привлеченіе состоялось по ошибкѣ, ибо не обвиняемый писалъ, не онъ редактировалъ произведеніе печати. Изъ всего этого вытекаетъ и двойное положеніе обвиняемаго по отношенію къ праву по представленію оправданія и къ обязанности отыскивать эти оправданія. Законъ предоставляетъ обвинителю самому избрать тотъ или другой родъ преслѣдованія, а въ рядѣ рѣшеній Правительствующаго Сената проведена мысль, что этотъ выборъ всецѣло принадлежитъ ему одному, причемъ за судомъ остается лишь крайне ограниченное право, не касаясь содержанія дѣянія обвиняемаго въ томъ видѣ, какъ оно опредѣляется частнымъ обвинителемъ, усмотрѣть, согласно 1040 ст. улож., въ формѣ преслѣдуемаго сочиненія или способѣ его распространенія оскорбительный умыселъ со стороны обвиняемаго, ведущій наказаніе и при оправданіи по ст. 1039. Такимъ образомъ потерпѣвшій, предъявляя то или другое обвиненіе противъ оскорбителя, тѣмъ самымъ опредѣляетъ предѣлы и способы его защиты. Если обвиненіе поставлено по 1039 ст., т. е. въ диффамаци—и если обвиняемый самъ сознаетъ, что напечатанное имъ или по его распоряженію дѣйствительно направлено противъ достоинства и добраго имени частнаго лица—но отысканіе какихъ бы то ни было доказательствъ справедливости оглашенныхъ обстоятельствъ—совершенно излишне и составляетъ лишь бесполезную трату времени, такъ какъ судебная власть обязана не допускать ихъ. Даже и пользованіе гарантіями, которыя предоставляетъ, для всесторонняго выясненія существа дѣла, вторая инстанція суда сводится въ этомъ случаѣ къ совершенно

ничтожнымъ размѣрамъ ходатайства лишь о смягченіи наказанія, назначеннаго первою инстанціею, или о не усугубленіи его, если того требуетъ обязанъ. Отсюда неизбежный выводъ, что при указаніи на одиѣ и тѣ же фактическія данныя отъ обвиненія въ клеветѣ, нельзя переходить къ обвиненію въ диффамаци и наоборотъ. Правительствующій Сенатъ подтвердилъ это положеніе совершенно опредѣленно въ рѣшеніи своемъ по дѣлу Ахшарумова и Соболевскаго (1885 г. № 33). «Различіе между означенными преступленіями, говорится въ этомъ рѣшеніи, дѣлаетъ невозможнымъ переходъ отъ одного обвиненія къ другому. Отъ опозоренія нельзя перейти къ клеветѣ, такъ какъ признаніе виновности или оправданіе въ послѣднемъ немислимы безъ разсмотрѣнія доказательствъ, которыя, при предъявленіи обвиненія въ опозореніи, не могли быть представлены и разсмотрѣны судомъ; невозможно и переходъ отъ клеветы къ опозоренію, такъ какъ судъ, не признавшій, по разсмотрѣніи представленныхъ обвиняемымъ доказательствъ, въ дѣянніи его клеветы, признавшій слѣдовательно, что въ оглашенномъ событіи нѣтъ лжи, или обвиняемый огласилъ оное добросовѣстно, вѣруя въ его справедливость, былъ бы поставленъ въ несомнѣнную съ его судейскимъ достоинствомъ необходимость признавать преступнымъ дѣяніе, которое, по закону дозволено и могло быть признано противозаконнымъ только подъ условіемъ обсужденія одной его фактической стороны, а не внутреннего его значенія. Такой переходъ отъ одного обвиненія къ другому не можетъ быть допущенъ и потому, что имъ нарушаются законные интересы сторонъ, участвующихъ въ дѣлѣ: обвинитель или лишается принадлежащаго ему по закону права добиваться не только наказанія обвиняемаго, но и возстановленія чести, т. е. опроверженія распространенной о немъ лжи, или ставится въ необходимость, не налагаемую на него закономъ и нѣрѣдко крайне для него тягостною, выслушивать, допускать до разсмотрѣнія обстоятельство, сущность которыхъ онъ имѣлъ основаніе желать сохранить въ безгласности; съ своей стороны обвиняемый или подвергался бы опасности быть обвиненнымъ въ клеветѣ безъ обсужденія доказательствъ, которыя бы онъ могъ представить въ свое оправданіе, или, принявъ все доступныя ему мѣры къ защитѣ себя отъ обвиненія въ клеветѣ, могъ бы оказаться беззащитнымъ или слабо защищеннымъ противъ обвиненія въ опозореніи». Изъ этого взгляда Сената вытекаетъ послѣдовательно и невозможно соединенія, по отношенію къ однимъ и тѣмъ же фактамъ, обоихъ обвиненій въ одно—или предъявленіе ихъ совмѣстно и такъ какъ судъ параллельно. Нельзя требовать отъ суда признанія въ одно и то же дѣяніе, безъ всякаго въ немъ внутренняго разграниченія, обвиняемаго и клеветникомъ и огласителемъ. Это значило бы допускать преслѣдованіе противъ обидчика по обвиненію въ томъ, что онъ

звелъ ложное обвиненіе въ несуществовавшемъ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, которое не подлежало оглашенію, хотя обвиняемый можетъ удостоверить, что оно въ дѣйствительности содѣяно. Съ правильною постановкою обвинения въ оскорбленіяхъ, наносимыхъ путемъ печати, совершенно несовѣстимо установленіе такого порядка, при которомъ обиженный можетъ говорить суду: «я не сдѣлалъ того, что мнѣ приписано, — эта злая и пагубная для меня ложь, — покажите клеветника, — ну, а если это правда, то накажите его за то, что онъ выставилъ меня на позоръ, не имѣя на это права»... Такая объективность обвинителя, при которой онъ, до разсмотрѣнія доказательствъ самъ не увѣренъ въ томъ, совершилъ ли онъ то, что ему приписано, такая попытка добиться обвиненія въ клеветѣ, оставляя себя, во всякомъ случаѣ, отступленіе въ непроницаемую для доказательствъ невинности нищету диффамацию — не согласна съ задачей уголовного суда. Кромѣ того, какъ это отчасти и предусмотрѣно Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніи по дѣлу Ахшарумова съ Соболевскимъ, также обвиненіе должно вызывать смѣшеніе порядковъ производства, въ противность точному указанію закона. Обвиняемый является двуликимъ Янусомъ: какъ клеветникъ, онъ можетъ представлять доказательства правдивости напечатаннаго, какъ диффаматоръ — не можетъ, — отчетъ о засѣданіи, избличающемъ его, какъ клеветника, можетъ быть напечатанъ, отчетъ о судѣ надъ нимъ, какъ надъ огластителемъ, — не долженъ быть печатаемъ и т. д. Поэтому въ этого рода дѣлахъ надлежитъ требовать отъ обвинителя, при возбужденіи преслѣдованія опредѣленнаго заявленія, — въ чемъ именно онъ обвиняетъ своего оскорбителя. Эта опредѣленность должна выражаться въ точной квалификаціи дѣянія, подлежащаго преслѣдованію. Можетъ быть сдѣлано возраженіе, что требованіе отъ обвинителя такой точности и опредѣленности представляется чрезмернымъ и что отсутствіе подобной квалификаціи не должно затруднять судебную власть, подобно тому, какъ эта власть не должна быть, въ своихъ дѣйствіяхъ, затрудняема отсутствіемъ указанія на жалобѣ обвинителя на мѣру наказанія, на что я и указывалъ въ заключеніи по дѣлу Ахшарумова. Но надо отличать частныя обвиненія по общимъ преступленіямъ, свойства и признаки которыхъ опредѣляются самою жизнью — отъ обвиненій по преступленіямъ specialнаго, исключительнаго характера. Въ обыкновенныхъ преступленіяхъ — указаніе на фактъ преступленія и на его результаты для пострадавшаго замѣняетъ собою въ большинствѣ случаевъ законное опредѣленіе преступленія или даже сливается съ нимъ. Хотя и здѣсь желательна опредѣленіе со стороны потерпѣвшаго, въ чемъ именно обвиняетъ онъ нарушителя своихъ правъ, но отсутствіе такового, при ясномъ описаніи того, что было противъ жалобщика содѣяно — не можетъ имѣть существеннаго значенія. Оно не мо-

жетъ вліять на ходъ дѣла въ судѣ и на объемъ правъ обвиняемаго въ защитѣ себя и оправданіи своихъ дѣйствій. Иначе, однако, ставится этотъ вопросъ при обвиненіяхъ въ оскорбленіи въ печати. Отъ того, въ чемъ обвиняется человекъ — въ клеветѣ или диффамаци — зависитъ не только исчисленіе давности, ограниченіе разбирательства по отношенію къ происходившему на судѣ, но и разрѣшеніе представлять доказательства справедливости напечатаннаго. Поэтому необходимо, чтобы обиженный точно формулировалъ свою жалобу, указавъ, за что именно возбуждаетъ онъ преслѣдованіе и обвиняетъ ли онъ обидчика, какъ опозорившаго его или оклеветавшаго. Обиженный печатнымъ сочиненіемъ, по самому свойству и происхожденію такой обиды, не можетъ быть тѣмъ темнымъ человекомъ, который способенъ только въ общихъ чертахъ указать на причиненное ему зло и просить «судить по закону». Возбужденію преслѣдованія за оскорбленіе въ печати всегда предшествуетъ со стороны обиженнаго внимательный разборъ и оцѣнка напечатаннаго, очень часто сопровождаемая дополнительными объясненіями съ редакціею, посылкою опроверженій и т. д. Обиженный не можетъ не отдавать себѣ отчета въ причинѣ чувствуемой имъ нравственной боли, не можетъ не осмыслить — происходитъ ли эта боль отъ того, что ему приписали нѣчто постыдное, чего, однако, онъ никогда не дѣлалъ или отъ того, что въ его личную жизнь вторгнулся съ грубымъ и не воздержнымъ на языкъ любовитъ твоимъ. Иными словами, потерпѣвшему должно быть ясно, чѣмъ кому-либо — потрясенъ ли онъ несправедливостью или возмущенъ и встревоженъ оглашеніемъ. Сообразно съ этимъ — ему должно быть ясно за что преслѣдовать оскорбителя. Мѣсто и время такого опредѣленія преслѣдованія — указывается самимъ закономъ. По дѣламъ, производимымъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, обвинительный актъ прокурора замѣняется частною жалобой, которая и служитъ, по 525 ст. уст. угол. суд., основаніемъ и поводомъ для дальнейшаго направленія и движенія дѣла. Въ обвинительномъ актѣ, согласно 520 ст. уст. угол. суд., должны быть означены, между прочимъ — событіе, заключающее въ себѣ признаки преступнаго дѣянія — и опредѣленіе по закону: какому именно преступленію соотвѣтствуютъ признаки этого дѣянія. То же должно быть сдѣлано и въ частной жалобѣ по оскорбленію въ печати — и при томъ при подачѣ ея, съ чего начинается и самое дѣло. Такое означеніе имѣетъ важное значеніе и для слѣдователя, въ тѣхъ случаяхъ, когда признается необходимымъ произвести предварительное слѣдствіе обстоятельство дѣла — и для суда. Этимъ означеніемъ и для слѣдователя и для суда указывается, въ виду 1213⁴³ и 1213⁴⁵ ст. уст. угол. суд., какия доказательства можно дозволить предъявлять обвиняемому и устанавливаются предѣлы изслѣдованія; для слѣдователя кромѣ того этимъ

опредѣленіемъ обвиненія выясняется и то, какъ долженъ онъ формулировать основанія для привлеченія обвиняемаго — и въ особенности, предлагаемый послѣднему вопросъ о его виновности. Затѣмъ и для подсудимаго въ высшей степени важно, чтобы въ частной жалобѣ было точно указано, въ чемъ онъ обвиняется, ибо, согласно 556 ст. уст. угол. суд., копія съ обвинительнаго акта отождествляется съ копіею жалобы частнаго обвинителя и со времени ея врученія начинается для подсудимаго теченіе сроковъ для вызова свидѣтелей. Какимъ же образомъ подсудимый будетъ ходатайствовать о вызовѣ свидѣтелей, когда онъ не знаетъ, въ чемъ именно его обвиняютъ и, слѣдовательно, не знаетъ, имѣетъ ли онъ право приводить какія-либо доказательства справедливости напечатаннаго? Какимъ образомъ судъ можетъ разрѣшать вызовъ свидѣтелей, не имѣя передъ собою ясно сформулированнаго обвиненія и не будучи увѣренъ, что обвинитель не заявитъ въ засѣданіи, что онъ и не думалъ обвинять въ клеветѣ, вслѣдствіе чего придется заявить свидѣтелямъ, что ихъ напрасно потревожили и необдуманно отняли у нихъ время на явку въ судъ? Значеніе придаваемое частной жалобѣ, какъ выраженію желанія обвинителя въ его домогательствахъ передъ судомъ, видно и изъ того, что Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніи Уголовнаго Кассац. Департамента въ 1884 г., № 144, признано, что даже подсудимому, преданному суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, въ случаѣ преслѣдованія его въ порядкѣ частнаго обвиненія, должна быть сообщена не только копія съ опредѣленія Судебной Палаты о преданіи его суду, но и копія съ жалобы частнаго обвинителя, служащая (рѣш. Общ. Собр. 1880 г., № 10) главнымъ основаніемъ судебного разбирательства. Наконецъ, самая возможность разсмотрѣнія дѣла обуславливается точнымъ означеніемъ преслѣдуемаго дѣянія въ жалобѣ частнаго обвинителя. Правительствующій Сенатъ по Общему Собранію Кассационныхъ Департаментовъ въ рѣшеніи 1880 г., № 10, разъяснилъ, что при производствѣ по частному обвиненію Окружной Судъ разсматривалъ дѣло въ порядкѣ, указанномъ 547 ст. уст. уг. суд., и можетъ найти его подлежащимъ прекращенію по причинамъ, исчисленнымъ въ 16 и 27 ст. уст. уг. суд. Но 16 статья указываетъ, какъ на одну изъ причинъ прекращенія — на давность. Какимъ же образомъ можетъ судъ, дѣйствуя по 647 ст. уст. уг. суд., опредѣлять, не поддежитъ ли дѣло прекращенію за давностью — если въ жалобѣ не будетъ точно указано, за что привлекается обвиняемый — за клевету или диффамацию, т. е. за дѣяніе ли, погашаемое годичною, или же за погашаемое двухгодичною давностью? На основаніи всего высказаннаго мною, я прихожу къ выводу, что при безусловной невозможности возбуждать по одному и тому же фактическому обвиненію совмѣстныхъ преслѣдованій и по 1535 и по 1039 ст. улож. о наказ. — необходимо и

точное означеніе въ жалобахъ, подаваемыхъ на редакторовъ и авторовъ оскорбительныхъ произведеній, того преступленія, которое усматривается въ ихъ дѣяніи жалобщикъ, причемъ этимъ означеніемъ обуславливается и все дальнѣйшее производство дѣла.

Обращаясь отъ этихъ общихъ соображеній къ даннымъ настоящаго дѣла, я нахожу, что оно начато подачею турецкимъ подданнымъ Николаемъ Бергомъ жалобы въ качествѣ частнаго обвинителя. Въ жалобѣ этой, объясняя, что авторъ корреспонденціи о русскихъ проводникахъ въ Вѣнѣ «коснулся его личности и чести, съ цѣлью подорвать то довѣріе, которымъ онъ пользуется въ Вѣнѣ въ теченіе двадцати лѣтъ, какъ комиссіонеръ», Бергъ заявляетъ, что «рѣшился возбудить противъ г. Федорова уголовное преслѣдованіе по 1039 ст. улож. о наказ.» и проситъ мирового судью вызвать стороны, въ силу 35 ст. у. с. для примиренія и направить затѣмъ дѣло, согласно 117 ст. того же устава о подсудности. Хотя въ началѣ жалобы онъ упоминаетъ о томъ, что его оклеветали позорнымъ образомъ, но въ виду точнаго опредѣленія нанесеннаго ему вреда и цѣли оскорбителя, а также закона, по которому онъ желаетъ преслѣдовать, этому выраженію для постановки обвиненія значенія придаваемо быть не можетъ. Въ нашемъ разговорномъ языкѣ сплошь и рядомъ употребляются выраженія въ смыслѣ, совершенно не соотвѣтствующемъ ихъ юридическому значенію. Стоитъ припомнить, что слово «святотатство, означающее кражу церковныхъ вещей и денегъ, употребляется — и притомъ людьми весьма образованными — въ смыслѣ оскорбленія высокаго и прекраснаго, и что, рассказывая о тонкомъ мошенничествѣ, которому мы подверглись, обь обмѣрѣ, обь обманѣ въ качествѣ товара, мы, въ обыденномъ разговорѣ, совершенно искренно утверждаемъ, что «насъ ограбили». Турецкій подданный Бергъ категорически и безошибочно цитируетъ подлежащія статьи устава угол. судопр. и уложенія о наказ. и прямо указываетъ, что авторъ корреспонденціи коснулся его личности и чести съ цѣлью подорвать пріобрѣтенное имъ довѣріе, т. е. что авторъ напечаталъ о немъ то, что можетъ, по словамъ закона, изображеннаго въ ст. 1039 улож., «повредить его чести, достоинству и добру имени». Онъ нигдѣ не говоритъ, что авторъ ввелъ на него несправедливое обвиненіе, что онъ ложно обличалъ его въ дѣяніяхъ, противныхъ правиламъ чести. Онъ утверждаетъ лишь, что авторъ «коснулся его чести и личности», имѣя цѣлью повредить ему въ его дѣятельности комиссіонера для русскихъ, пріѣзжающихъ въ столицу Австрійской имперіи. Поэтому его жалоба есть жалоба на диффамацию, согласно означенной въ ней 1039 ст., а не жалоба на клевету, по 1535 ст. улож. При дальнѣйшемъ производствѣ дѣла у слѣдователя эта оцѣнка дѣянія Федорова остается неизмѣнною, несмотря на то, что обвинитель Бергъ принимаетъ самое живое

участие въ выясненіи обстоятельствъ виновности пресѣдуемаго и обращается и въ судъ, и къ слѣдователю съ рядомъ подробныхъ и разнообразныхъ прошеній. Судебный слѣдователь привлекаетъ на основаніи 1044 ст. Улож. Федорова, по постановленію 9 марта 1885 года, согласно ходатайству Берга, по обвиненію въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 1039 ст. улож. о наказ., предлагаетъ ему вопросъ о томъ, признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ опозореніи Берга, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1039 ст. улож., и обязываетъ его, наконецъ, подпискою о невѣздѣ изъ столицы, въ качествѣ мѣры пресѣченія, руководясь при этомъ 416 ст. у. у. с. и 1044 и 1039 ст. улож. о наказ. Противъ такой оцѣнки дѣянія Федорова Бергъ не возражаетъ, и лишь въ засѣданіи суда, чрезъ три мѣсяца, повѣренный частнаго обвинителя, на вопросъ предсѣдателя, предъявляетъ двоякое обвиненіе противъ подсудимаго — и по 1535 и по 1039 ст. улож. Въ виду приведенныхъ мною соображеній о невозможности одновременнаго пресѣдванія за одни и тѣ же выраженія и по 1535 и по 1039 ст., я полагаю, что на обязанности суда лежало указать частному обвинителю на такую несомнѣтельность обвиненій, и если бы онъ избралъ изъ нихъ обвиненіе въ клеветѣ, то или отложить засѣданіе для предостереженія обвиняемому воспользоваться принадлежащимъ ему правомъ собрать и представить доказательства справедливости напечатаннаго, или же, такъ какъ по этому дѣлу уже признано было однажды необходимымъ предварительное слѣдствіе, возвратитъ дѣло слѣдователю, согласно 545 и 546 ст. у. у. с., ибо, съ момента предъявленія обвиненія по 1535 ст., дѣло должно было стать въ положеніе, въ которомъ оно находилось при обсужденіи вопроса о дачѣ ему дальнѣйшаго хода по 547 ст. у. у. с. На приговоръ суда, признаваго Федорова виновнымъ только въ диффамачіи, обвинителемъ была принесена апелляционная жалоба, въ которой онъ проситъ объ усугубленіи наказанія за опозореніе, о признаніи, вмѣстѣ съ тѣмъ, Федорова виновнымъ въ клеветѣ и о постановленіи приговора по совокупности. Въ засѣданіи Палаты жалобщикъ отказался отъ обвиненія въ первомъ изъ этихъ дѣяній и настаивалъ на клеветѣ, въ которой и признанъ виновнымъ подсудимый, присужденный къ тремъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія. Исходя изъ тѣхъ же, приведенныхъ мною раньше соображеній, — я нахожу, что, въ виду первоначальной постановки обвиненія по 1039 ст. и рѣшенія Уголовн. Кас. Департамента по дѣлу Ахшарумова и Соболевскаго, Судебная Палата не могла и разсматривать обвиненіе въ клеветѣ, а должна была ограничиться постановленіемъ приговора въ предѣлахъ жалобы на малое наказаніе, къ которому присужденъ подсудимый за диффамачію. Строго обвинительный характеръ процесса по дѣламъ частнаго обвиненія, установленный закономъ, является въ настоящемъ случаѣ, по моему мнѣнію, нарушеннымъ и

указанія кассатора, что отъ него неправильно требовать доказательства его невиновности въ клеветѣ, когда онъ былъ поставленъ предъ судомъ по обвиненію въ диффамачіи — заслуживаетъ уваженія. Предъявляя обвиненіе въ опозореніи — жалобщикъ, если онъ частное лицо, тѣмъ самымъ снимаетъ съ обвиняемаго заботу о присканіи доказательствъ своей невиновности, ибо въ силу самаго закона лишается его права оправдываться. Обвиняемому остается, явившись въ судъ, съ обязательнымъ отсутствіемъ доказательствъ справедливости напечатаннаго, — склонить голову предъ неизбежнымъ приговоромъ или же лишь просить о снисхожденіи. Въ этой неизбежности, вызываемой свойствомъ преступления, — есть и своя утѣшительная для подсудимаго сторона, ибо нравственная тяжесть приговора въ этомъ случаѣ — несравненно меньшая, чѣмъ въ приговорѣ, карающемъ, хотя бы и слабѣе, но за клевету. Можно ли допускать, чтобы жалобщикъ, удостовѣривъ обвиняемаго самою своею жалобою, что дѣло идетъ о диффамачіи и что слѣдовательно объ оправданіяхъ не можетъ быть и рѣчи, и заставивъ его въ бездѣйствіи дожидаться суднаго дня, — внезапно и неожиданно, въ судебномъ засѣданіи, мѣняя фронтъ и нападавъ съ обвиненіемъ въ клеветѣ? Этимъ существенно нарушалось бы равенство борющихся сторонъ въ выборѣ и подготовленіи орудій нападенія и защиты. Обвиняемый можетъ совершенно добросовѣстно пропустить время и возможность для собранія доказательствъ — документы могутъ быть уничтожены, свидѣтели удалиться или переселиться въ отдаленныя мѣста — и вдругъ, когда все совершится, отъ него неожиданно-негаданно потребуютъ документовъ и свидѣтелей и поставятъ ему въ вину ихъ отсутствіе. Но однако, обвиненіе въ клеветѣ, по широтѣ средствъ оправданія и по наказанію, выгоднѣе для обвиняемаго, чѣмъ же ему роптать? Да, и выгоднѣе для обвиняемаго, и достойнѣе для обвинителя — это несомнѣнно. Но когда? Тогда, когда оно проводится неизмѣнно, послѣдовательно и съ самаго начала, — когда забрало поднято и вызовъ брошенъ. Вооружайся и готовься къ битвѣ! Но не тогда, когда это обвиненіе не высказывается до дня засѣданія и, предъявленное впервые, оставляетъ обвиняемому все неудобства положенія безоружнаго, а обвинителю все удобства нападенія врасплохъ. Въ этомъ случаѣ невозможно говорить объ удобствахъ для пресѣдуемаго. Противъ подсудимаго въ дѣлахъ частнаго порядка нельзя обращать обвиненія, которое не было предъявлено къ нему, какъ къ обвиняемому. Это должно быть руководящимъ правиломъ въ процессахъ о печати. Такимъ образомъ нарушеніе въ порядкѣ производства дѣла по первоначальному обвиненію Федорова, вызвало и неправильное постановленіе ему въ вину непредостереженія имъ доказательствъ своей невиновности въ клеветѣ. Эта неправильность не можетъ, по моему мнѣнію, считаться не имѣющею значенія потому, что Па-

лата допустила Федорова до представления некоторых доказательств и что фактом предъявления этих доказательств он отказался от возражений против неправильной постановки обвинения.

Обвиняемый в клеветѣ имѣетъ право съ самаго начала дѣла—въ данномъ случаѣ съ передачи дѣла судебному слѣдователю—розыскивать и приводить доказательства своей невиновности. Поэтому позднѣе допущеніе осуществленія этого права уже при разбирательствѣ во второй инстанціи—есть такое ограниченіе этого права, которое равносильно его нарушенію. Предоставивъ представлять доказательства справедливости напечатаннаго по обвиненію, предъявленному о диффамаци, судъ второй степени не можетъ, какъ правильно выражается Федоровъ, «ставить подсудимому въ упрекъ, что онъ имѣлъ время подготовиться къ опроверженію доводовъ обвинителя, и дѣлать выводъ, что если онъ не сдѣлалъ этого, то лишь потому, что не въ состояніи опровергнуть этихъ доводовъ». Не слѣдуетъ видѣть и готовности отвѣчать по клеветѣ въ томъ, что обвиняемый въ опозореніи хватается въ послѣдней инстанціи за возможность хоть что нибудь привести въ свое оправданіе. Установленіе правильнаго порядка производства дѣла, какъ и опредѣленіе подсудности—есть дѣло суда, независимо отъ указаній сторонъ. Жалоба, въ которой потерпѣвшій просилъ бы подвергнуть кого либо по совокупности и въ высшей мѣрѣ наказанію по статьямъ 1482 улож., 142 и 133 уст. о нак., нал. мир. судьями, находя, что нанесеніе легкой раны есть вмѣстѣ съ тѣмъ насиліе, а насиліе заключаетъ въ себѣ оскорбленіе дѣй-

ствіемъ, конечно не могла бы быть удовлетворена судомъ,—и судъ долженъ бы былъ потребовать точнаго опредѣленія съ самаго начала, въ чемъ именно обвиняетъ жалобщикъ своего обидчика. Тѣмъ болѣе такое опредѣленіе нужно по дѣламъ объ оскорбленіи въ печати, въ виду многократно указанной разницы въ способѣ оправданія. Поэтому и находя вмѣстѣ съ тѣмъ, что Судебная Палата въ приговорѣ своемъ не изложила, по какимъ именно соображеніямъ она находитъ, что указанный Федоровымъ въ свое оправданіе авторъ корреспонденціи о русскихъ проводникахъ въ Вѣнѣ не могъ внушать ему довѣрія, послужившаго основаніемъ къ убѣжденію въ правдивости сообщенныхъ имъ извѣстій, я считаю, что второй вопросъ, возбужденный кассационною жалобой, подлежитъ разрѣшенію въ смыслѣ отмѣны приговора Палаты и передачи дѣла въ другой ея департаментъ, для постановленія приговора согласно предъявленному Верховомъ обвиненію по 1039 ст., въ предѣлахъ ходатайства его объ усиленіи наказанія обвиняемому. На основаніи всего сказаннаго я полагаю бы, во первыхъ, признать, что редакторы современныхъ изданій могутъ отвѣчать за клевету въ печати, при установленіи судомъ наличности условій, о которыхъ я говорилъ въ первой части настоящаго заключенія, а, во вторыхъ—признать, что въ виду предъявленнаго къ отвѣтственному редактору «Новаго Времени» Федорову обвиненія по 1039 ст. приговоръ слѣб. Судебной Палаты, присуждающій его къ наказанію по 1535 ст. ул., не можетъ остаться въ силѣ, за нарушеніемъ 1039 ст. уложенія, 1213⁴² и 1213⁴⁵ ст. уст. уг. суд.

Лен. Гос. Ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького